

Иван Лажечников

Басурман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л16

Л16 **Лажечников И.И.**
Басурман / Иван Лажечников – М.: Книга по Требованию, 2015. – 763 с.

ISBN 978-5-518-09964-7

ISBN 978-5-518-09964-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРОЛОГЪ.

«Божіею милостію, радуйся и здравствуй, господинъ и сынъ нашъ, князь великой, Дмитрій Ивановичъ, всея Руси... на многая лѣта!»

Слова митрополита по случаю вѣнчанія на великокняженіе Дмитрія Ивановича, внука Іоанна III.

Это было 27-го октября 1505 года. Будто къ вѣнчанію царя, Москва снарядилась и изукрасилась. Соборъ Успенскій, церковь Благовѣщенія, Грановитая Палата, Теремный дворецъ, Кремль съ своими стрѣльницами, множество каменныхъ церквей и домовъ, разсыпанныхъ по городу — все это, только что вышедшее изъ-подъ рукъ искусныхъ зодчихъ, носило на себѣ печать свѣжести и новизны, какъ бы возникло въ одинъ день волею всемогущею. Дѣйствительно, все это было сотворено въ короткое время гениемъ Іоанна III. Кто оставилъ бы Москву за тридцать лѣтъ назадъ

бѣдною, ничтожною, похожею на большое село, огороженное дѣтинцемъ, не узналъ бы ея, увидавъ теперь. Также скоро и вся Русь поднялась на ноги по одному молодецкому окрику этого генія. Взявъ исполина—младенца подъ свою царскую опеку, онъ сорвалъ съ него пелены, и не по годамъ, а по часамъ, воспиталъ его на богатство. Новгородъ и Псковъ, не ломавшіе ни передъ кѣмъ шапки, сняли ее передъ нимъ, да еще принесли въ ней свою волю и золото; иго ханское свержено и переброшено за рубежъ земли русской; Казань хотя отыгрывалась еще отъ великаго ловчаго, но отыгрывалась какъ волчица, которой некуда утечь; удѣлы сплавлены и выкованы въ одинъ могучій особнякъ, и тотъ, кто все это сотворилъ, первый изъ русскихъ властителей воплотилъ въ себѣ идею царя.

Однакожь, 27-го октября 1505 года, изукрашенная имъ Москва готовилась не къ радостному, а печальному торжеству. Іоаннъ, изнемогая и духомъ и тѣломъ, лежалъ на смертномъ одрѣ. Онъ забывалъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои, и каялся въ нихъ.

Было время къ вечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампы; сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою и нуж-

дею. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ, потому что народъ не понималъ заслугъ Великаго и не любилъ его за нововведенія. Въ одномъ углу казеннаго двора, черная изба позднѣе другихъ домовъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырьную оболочку окна ея желѣзная рѣшетка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую, однакожь, пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать, узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырь, чтобы, украдкою отъ своего сторожа, глядѣть на свѣтъ Божій.

Это была тюрьма, и въ ней, на этотъ разъ, томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія же раннія преступленія могли привести его сюда? По лицу его не вѣришь этимъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ такую обманчивую наружность. Такъ пригожь и благовиденъ, что, кажется, ни одинъ черный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ его глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и безмятежной грусти. И между тѣмъ статень, величавъ; какъ встрепенется изъ дремоты своей, какъ тряхнетъ черными кудрями, видѣнъ забывшійся господинъ, а не рабъ. Руки его бѣлы, вѣжны, словно женскія. На косомъ воротѣ рубашки горитъ изу-

мрудная запонка; въ сырой, закопченной избѣ, на широкомъ прилавкѣ пуховикъ, съ изголовьемъ изъ *мисюрской* камки и съ шолковымъ одѣяломъ, а подлѣ постели ларецъ изъ бѣлой кости филиграновой работы. Видно, не простой узникъ!

Не простой, да еще вѣнчаннй.... И чистъ дѣлами и помыслами, какъ житель не земной. Всѣ его преступленія въ вѣнцѣ, котораго онъ не искалъ и который надѣла на него прехоть властителя; никакой крамолѣ, никакому злу не причастный, онъ виноватъ за чужія вины, за честолюбіе двухъ женщинъ, за коварство царедворцевъ, за гнѣвъ дѣда на стороннихъ, не на него жъ. Ему назначили царство, и отвели въ тюрьму! Онъ не понималъ, почему вѣнчаютъ его, и теперь не понимаетъ, за что его лишили свободы, свѣта Божьяго, всего, въ чомъ не отказываютъ и смерду. За него ближніе и молиться не смѣютъ вслухъ.

Это внукъ Іоанна III, единственное дитя любимаго сына его, злополучный Дмитрій Іоанновичъ.

То сидѣлъ онъ въ грустномъ раздумѣ, облокотясь на колѣна и утопивъ пальцы въ чернокудрой головѣ, то вставалъ, то ложился. Онъ метался, какъ будто дали ему отраву. Никого съ нимъ не было. Одинокій огонекъ освѣщалъ его бѣдное, несчастное жилище. Тишину избы нару-

шали капель съ потолка или мышь, подбиравшая крохи отъ трапезы узника. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ, и въ эти переливы свѣта, казалось, ползли по стѣнѣ ряды огромныхъ пауковъ. Въ самомъ же дѣлѣ это были каракульки на разныхъ языкахъ, начертанныя углемъ или гвоздемъ. Едва можно было разобрать въ нихъ: «*Matheas*», «*Марѳа, посадница Великаго—Новгорода*», «*Будь проклять!*», «*liebe Mutter, liebe A....*», и еще, еще какія—то слова, разорванные струями, которыя текли по стѣнѣ или стертыя негодованіемъ и невѣжествомъ сторожей.

Дверь темницы тихонько отворилась. Дмитрій Іоанновичъ встрепенулся. — «*Аеоня! это ты?*» радостно спросилъ онъ; но, увидавъ, что принялъ вошедшаго за другаго, присовокупилъ съ грустью: «*Ахъ, это ты, Небогатый!... Что жъ нейдетъ Аеоня?... Мнѣ скучно, мнѣ тошнехонько, меня тоска гложетъ, будто змѣя подколотная лежитъ у сердца. Вѣдь ты сказалъ, что будетъ Аеоня, когда огни зажгутъ въ домахъ?*»

— *Аеонасій Никитичъ* никогда не кривить словомъ, не то, что глазомъ — сказалъ дьякъ Дмитрія, Небогатый, приставникъ добрый, услужливый и, между тѣмъ, строгій въ исполненіи наставленій, данныхъ великимъ княземъ, какъ сте-

речь внука. (Надо знать, что въ это время онъ же, за болѣзнію Дмитріева *казначей и постельничего*, исполнялъ ихъ должность. Честь честию князю, хоть и заключочному!...)

— Успокойся, Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ мой! Ужь, конечно, скоро придетъ нашъ краснобай. Ты самъ вѣдаешь, хилъ становится, худо видитъ, такъ бредеть себѣ оцую. А ты, покуда, милое дитятко мое, поиграй, потѣшься своими игрушками. Присядь себѣ хорошенько на постелюшкѣ; я подамъ тебѣ твой ларецъ.

И Дмитрій Ивановичъ, дитя, которому было за 20 лѣтъ, отъ скуки, его томившей, исполнилъ тотчасъ предложеніе своего дьяка, сѣлъ съ ногами на постель, взялъ костяной ларецъ къ себѣ на колѣна и отперъ его ключомъ, который висѣлъ у него на поясѣ. Понемногу, одна за другою, выходили на свѣтъ Божій дорогія вещицы, заключочныя въ этомъ ларцѣ. Княжичъ подносилъ къ огню то цѣпь золотую съ медвѣжьими головками, или чешуйчатый золотой поясъ, то жуковины (перстни) яхонтовья и изумрудныя, то крестики, монисты, запястья, занонки драгоценныя; любовался ими, надѣвалъ ожерелья себѣ на шею и спрашивалъ дьяка, идутъ ли они къ нему; бралъ зерна бурмицкія и лалы въ горсть, пускалъ ихъ

будто дождь, сквозь пальцы, тѣшился ихъ игрою, какъ настоящее дитя — и вдругъ, услышавъ голосъ въ ближней комнатѣ, бросилъ все кое-какъ въ ларецъ. Лицо его просіяло.

— Это Аюня! — молвилъ онъ, отдавая ларецъ дьяку, и слѣзъ съ постели.

— Запри, Дмитрій Ивановичъ! — сказалъ съ твердостью Небогатый: — безъ того не приму.

Проворно щолкнулъ ключъ въ ларецъ; дверь отворилась и вошелъ въ избу тюремную старичокъ небольшого роста, сгорбившійся подъ тяжестью лѣтъ; ими золотилось уже серебро волосъ его. Отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза вѣзался глубокой шрамъ, опустившій такимъ образомъ надъ этимъ глазомъ вѣчную завѣску; за то другой глазъ вправленъ былъ въ свое мѣсто, какъ драгоценный камень чудной воды, потому что блисталъ огнемъ необыкновеннымъ и, казалось, смотрѣлъ за себя и своего бѣднаго собрата. Сынъ не встрѣчаетъ ласковѣ отца вѣжно-любимаго, какъ встрѣтилъ старика Дмитрій Ивановичъ. Радость горѣла въ очахъ царевича, въ каждомъ движеніи его. Онъ принималъ отъ гостя посохъ, страхалъ съ него порошокъ снѣга, обнималъ его, усаживалъ на почетное мѣсто своей постели. А гость былъ не иной кто, какъ

тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, купецъ безъ торговли, безъ денегъ, убогій, но богатый свѣдѣніями, собранными ими на отважномъ пути въ Индію, богатый опытами и вымыслами, которые онъ, сверхъ того, умѣлъ украшать сладкою, вкрадчивою рѣчью. Онъ жилъ пособіями другихъ и не былъ ни у кого въ долгу: богатымъ платилъ своими сказками, а бѣдныхъ дарилъ ими. Ему позволено было посѣщать великаго князя Дмитрія Ивановича (котораго, однакожь, запрещено было называть великимъ княземъ). Можно судить, какъ онъ наполнялъ ужасную пустоту его заключенія и какъ поэтому былъ дорогъ для него. Что жъ давалъ ему за труды Дмитрій? Много, очень много для добраго сердца: свои радости, единственныя, какія оставались у него въ свѣтъ — и эту награду тверитянинъ не промѣнялъ бы на золото. Какъ-то разъ хотѣлъ царевичъ подарить ему дорогую вещицу изъ своего костянаго ларца; но дьякъ съ бережью напомнилъ узнику, что всѣ вещи въ ларцѣ—его, что онъ можетъ играть ими, сколько душѣ угодно, да располагать ими не воленъ.

Вчера Аѳанасій Никитинъ началъ современную ему повѣсть о *Шьмчилъ*, прозванномъ *басурманомъ*. Нынѣ, усѣвшись, продолжалъ ее. Рѣчь его текла, какъ пѣснь соловушки, котораго мож-

но заслушаться отъ зари вечерней до утренней, не смыкая глазъ. Жадно внималъ царевичъ разскащику; рдѣли щокѣ его, и нерѣдко струились по немъ слезы. Далекъ, очень далекъ уносился онъ изъ тюрьмы своей, и только по временамъ грубая брань сторожей за перегородкою напоминала ему горькую существенность. Между тѣмъ дьякъ Небогатый бѣгло поскрипывалъ перышкомъ; листы, склеенные вдоль одинъ за другимъ, уписывались чудными знаками и свивались въ огромный столбецъ. Онъ писалъ со словъ Аванасія Никитина: *Сказаніе о тькомъ Нимчиль, иже прованъ бѣ бесерменомъ.*

Вдругъ, среди разсказа, вбѣжалъ въ тюрьму дворецкій великаго князя: «Иванъ Васильевичъ готовится отдать Богу душу—сказалъ онъ торопливо: — онъ сильно воспечаловался о тебѣ и послалъ за тобой. Поспѣшай.»

Судорожно затрепеталъ княжичъ. По лицу его, которое сдѣлалось подобно бѣлому плату, пробѣжала какая-то дума; она вспыхнула во взорахъ его. О, это была дума раздольная!... Свобода.... вѣнецъ.... народъ.... милости.... можетъ быть и казнь.... чего не было въ ней? Узникъ, дитя, только что игравшій цвѣтными камушками, сталъ великимъ княземъ всея Руси!

Іоаннъ еще земной властитель на смертномъ одрѣ; еще смерть не сковала устъ его, и эти уста могутъ назначить ему преемника. Мысль о будущей жизни, раскаяніе, свиданіе со внукомъ, котораго онъ самъ добровольно вѣнчалъ на царство и котораго привели изъ тюрьмы, какую силу должны имѣть надъ волею умирающаго!

Княжичу подали шапку, и онъ, въ чомъ былъ, сопровождаемый дьякомъ и приставами, поспѣшилъ въ палаты великокняжескія. Въ сѣняхъ встрѣтили его рыданія ближнихъ и слугъ великаго князя. — Сталось... дѣдъ умеръ! — подумалъ онъ, и сердце его упало, шаги загнулись.

Появленіе Дмитрія Ивановича во дворцѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь, настоящую и мнимую. Неожиданность, новость предмета, чудная судьба княжича, состраданіе, мысль о томъ, что онъ, можетъ стать, будетъ властителемъ Руси, сковали на мигъ умы и сердца дворчанъ. Но и въ это время между бородками были умныя головы; тонкіе, дальновидные разсчеты, называемые нынѣ политикою, такъ же какъ и нынѣ, часто били навѣрное вмѣстѣ съ судьбою, хотя иногда, такъ же какъ и въ наши дни, подшибались могучею рукою Провидѣнія.

Разсчеты эти восторжествовали надъ минут-